

Тимошук А.С.,
Тимошук Е.А.
**Дискурсивный подход
к религии**

В статье развивается тема генезиса, исследуются значения и типологии дискурса, который рассматривается как ценностное языковое сообщество, артикулирующее и негоцирующее через дискурсивную формацию свою идентичность, модели поведения, интересы, истинность. Дискурсивный анализ имеет двойную ценность для религиоведения – как инструмент познания коммуникативного сообщества внутри деноминации, церкви, секты; и как методология анализа мнений самих религиоведов, артикулирующих знания, нагруженные ценностями.

Ключевые слова: религия, дискурс, интердискурс, интрадискурс, артикуляция, негоциация.

Timoschuk A.S.,
Timoschuk E.A.
**Discursive approach
to religion**

The paper develops the topic of genesis, meaning and typology of discourse that is taken as a language-value formation, which articulates and negotiated it's identity, interests, cognition, models of behaviour. Discourse analysis has a double value to religion – as an instrument of cognition of the communicative community within the denomination, church, sect; and as a methodology for the analysis of the opinions of researchers, articulating knowledge, laden with values.

Key words: religion, discourse, interdiskurs, intradiscourse, articulation, negotiation.

Тимошук А.С.,
Тимошук Е.А.
**Дінге дискурстық
көзқарас**

Ұсынылып отырған мақала дискурс сөзінің мағынасы мен типологиясын, генезисін жетілдіреді. Дискурс дискурсивті формация арқылы өзінің бірегейлігін, әрекет моделін, қызығушылықтарын, шынайылығын артикуляциялайтын бағалы тілдік қауым ретінде қарастырылады. Дінтану үшін дискурсивті талдау екі тұрғыдан құнды бағаға ие: біріншіден деноминация, шіркеу, секта ішіндегі коммуникативті байланысты тану құралы ретінде және екіншіден құндылықтармен жиынтықталған білімді артикуляциялаушы рөліне ие дінтанушылардың пікірін талдау үшін керек.

Түйін сөздер: дін, дискурс, интердискурс, артикуляция, негоциация.

Владимирский юридический институт ФСИН России;
Владимирский филиал МФЮА,
Российская Федерация, г. Владимир
*E-mail: a@timos.elcom.ru

ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД К РЕЛИГИИ

Современная культура интенсивно проектируется и генерируется через дискурсивные практики (нарративы) и иные модели производства социальной intersubjectivity (потребление, челночество, международный туризм). При этом дискурсивные практики занимают особое место в упорядочивании медиaprостранства. Особенности формирования гражданского общества в эпоху глобальных перемен таковы, что мы имеем дело не с истиной, а с артикуляцией и негoциацией множеством дискурсов. В информационном обществе нам приходится фильтровать множество «фактов», которые мы не можем проверить и которые поэтому следует назвать дискурсемами, т.е. знаками речи, онтичность которых нам не доступна.

В политике нам доступна реальность второго, третьего и так далее уровней, достоверность которых мы не можем проверить. При определении понятий в общественных науках, религиоведении, мы сталкиваемся со множеством стратегий описания действительности, т.е. дискурсами.

В.А. Кутырёв в своей работе по философии постмодернизма утверждает, что в современном обществе произошёл дискурсивный поворот, который он ярко описывает в следующих определениях термина: «Дискурс – текст, высказывание вместе с социальной практикой, к которой он принадлежит и которую несет в себе. Миллионы людей (в развитых странах большинство) в настоящее время заняты тем, что говорят и пишут – производством дискурсов, их судьба тоже определяется ими. Слово стало делом, особенно у интеллигенции, управленцев, служащих. На защите диссертации достаточно кому-то построить отрицательный дискурс, и соискатель степени не получит ее, провалится. Возникнут реальные жизненные последствия. Изменится место в профессии, роль в семье, в обществе. Руки, предметный труд уступают место языку, мыследеятельности и говорению. Власть реализует себя, прежде всего, в речевой практике – дискурсе, особенно вооруженном техническими средствами массового распространения. Если перейти от археологии знания к актуальной действительности, то роль дискурса в том, что конструирование его определенного типа продуцирует соответствующие предметы и поведение людей. Что касается информационно-компьютерной технологии, то

здесь дискурс ее непосредственный материал и продукт. Компьютерщик живет и действует, «практикует» только в форме текстов-высказываний. Даже любовь редуцируется не к сексу, а обмену посланиями, sms-ками – «дискурсивная любовь», на чём часто все и заканчивается. Для компьютерных наркоманов это вообще форма их (не)бытия».

Попытаемся разобраться, что же стоит за этим модным понятием. Термин «дискурс» (*англ.* discourse, *лат.* discursus) пришёл к нам из Средних веков, где он означал рассуждение, речь; движение познания от посылок к выводу (как в силлогизме) и таким образом противопоставлялся непосредственному или интуитивному познанию. Выделялось два вида дискурса: 1) последовательный (движение от познанного к непознанному), 2) каузальный (движение от принципов к заключениям). Один из первых исследователей дискурса в России Ю.С. Степанов поэтому и выбирает в качестве базового определения, следующее: «последовательность элементарных пропозиций, связанных между собой логическими отношениями конъюнкции, дизъюнкции и т.п.».

Таким образом, прежде всего, дискурс – это текст (*лат.* textus – ткань), который в процессе чтения во внутреннем мире читателя превращается в речь, которая живет своей собственной жизнью. Это вербальная, описательная реальность, которая выявляет и высвечивает себя и языком, и письмом, и речью, и высказыванием, и говорением. Именно в таком значении понятие стало использоваться во Франции в 60-х годах прошлого века. Если раньше, в 1950-х годах его узус был «публичное выступление» и не более того, то когда термин стал на слуху, он вобрал в себя различные оттенки смысла: «текст», «теорию», «стилистически окрашенная речь», «логос», «сверхфразовое единство», «социально-упорядоченный механизм порождения речи», «живое осознанное представление текста в опыте пишущих и читающих».

Дж. Реали и Д. Антисери в многотомном издании по истории философии используют «дискурс» как синоним «речи, диалога, рассуждения»: сократический дискурс, платоновский дискурс. Е.Н. Молодцова также противопоставляет дискурсивную философию – созерцательной, а дискурсивно-логическое (рассудочно-дискурсивное), словесно-рефлексивное знание – интуитивному, которое является беспредпосылочным, и не записывается знаками. Автор обращается к античному противопоставлению

дианойи (рассудка) и нуса (ума). Рассудочная деятельность, где слово сражается с другим словом, представляется низшей по иерархии и непригодной для достижения целостности человека.

Латинское *discursus* (причастие от глагола *currere* – бегу), видимо, является переводом греческого «дианойа» – движение мысли вперед и назад, разум, выговаривающий сам себя у Платона; мыслящая часть души у Плотина. Близкими категориями будут «логос», «диалектикэ», а противоположными – «ноэзис» (интуитивное понимание), невербальная, внелингвистическая коммуникация.

В этом контексте дискурс – это отличительная особенность гуманитарных наук, где доказательство ведётся пропозиционно, в отличие от демонстративных естественных наук. Л.П. Киященко называет поэтому дискурсивные практики «олитературиванием науки», введением в «арсенал средств современной науки представлений о стилях научного мышления, альтернативных точках зрения, научных парадигмах (как коллективной договоренности единомышленников), образов и картин мира, допущений в форме умолчания, символов, метафор и т.д. Вся эта атрибутика гуманитарного знания была и присутствует сейчас в естественнонаучном знании, постоянно нарушая чистоту традиций классического рационализма».

В другой работе Л.П. Киященко исследует границы языка науки и приходит к демаркации логического, аналитического (теоретического) и паралогического (нарративного) дискурсов в науке. «Нарративное знание – одна из форм коммуникативной рациональности, которая укоренена в опыте, языке, установлениях культуры».

В более широком смысле дискурс может пониматься как близкий термин для любой устойчивой совокупности высказываний (мнения, интерпретация, концепция, теория), за которыми стоят социальные группы. Можно продолжить ряд близких понятий: тренд, направление, течение; парадигма; дискуссионное поле, рассуждение (напр. дискурс о модерне – Ю. Хабермас).

Дискурс в социальном контексте – это ценностное языковое сообщество, полевая формация, где участники «нащупывают» точный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы). Отсюда целый пласт понятий, связывающих знания, интересы, высказывания и власть, политику, описанных во французской философии XX в.: дис-

курс рациональности как дискурс власти в эпоху Просвещения, властные дискурсивные практики, власть как дискурсивный феномен, коллективный дискурс (Р. Барт), идеологии и дискурсы групп. Последние являются – структурным компонентом современного общества, который включает в свой ассамбляж наряду с властными технологиями, социальными институтами, правящим режимом и тигль социальных субъективностей, артикулированных как гетерогенные дискурсы на разных уровнях общества.

Вследствие конкуренции классов и групп, образуются публично декларируемые, доминирующие властные дискурсы и скрытые, в которых можно обнаружить другое описание статус-кво. В мире вещей дискурс «склеивает» разнородные вещи в ансамбли, диспозитивы, включающие в себя социальные институты, архитектуру, законы, научные и философские положения; вместе с тем, дискурс бессубъектен, здесь нет принципа «кто против кого», он сродни коллективному бессознательному (М. Фуко). Французский историк науки через археологию гуманитарных наук стремится познать, как слово становится делом, а сказанное – вещью, на примере медицины, психиатрии, пенитенциарной системы.

Анонимность и креативность составляют внутренний нерв дискурса, в котором сообщение – это не информация, а внутренняя необходимость по самоидентификации ценностной группы; дискурс состоит из конститутивных установок и выражает ментальность благодаря своей событийной серийности.

Анонимность дискурса растёт по мере типизации высказываний, удаления от ситуации «здесь и сейчас» (Т. Лукман). Высказывания, разделяемые с другими людьми, составляют интересубъективную реальность, что объективирует дискурс для его участников. Через серийность, типизацию, анонимность дискурсивные формации институализируются, становятся социокультурной тканью, опредмечиваются. Опредемечивание (объективация) процессов мышления в продукты человеческой деятельности, которые становятся понятны как производителю, так и другим людям в качестве элементов их общего мира, является точкой пересечения марксизма и феноменологии.

В филологии Ц. Тодорова дискурс – это зафиксированные в них ментальные структуры, в отличие от «материального» текста. Дискурс тогда относится к акту высказывания (вербализуемому значению), а текст – к высказыванию (фиксированному тексту).

Э. Лакло рассматривает дискурс как политическую артикуляцию коллективной идентичности; социальный порядок, в котором нет разделения на базис и надстройку, а скорее присутствует нетопологическая смысловая тотальность. Каждый элемент дискурсивно-социального порядка не имеет внешних детерминаций, его место зависит от отношений в дискурсивном комплексе: реляция конституирует социкультурное бытие, которое становится подвижным, зависящим от обстоятельств.

Аналогичную трактовку предлагает А.П. Огурцов, называя дискурс целостной системой, включающей в себя способ мышления, теоретическую систему, поведенческие практики, навыки познания, регулятивы профессиональной деятельности.

Дискурс, образующий социальное поле присутствия, может быть выстроен вещами, графикой (математический дискурс), но не обязательно языком: «...всякое значимое единство независимо от того, является ли оно словесным или визуальным; фотография будет для нас таким же сообщением, что и газетная статья; любые предметы могут стать сообщением, если они что-либо значат». Этим дискурс-поле отличается от дискурса-ткани, который существует как «вербальный текст, отличный от других форм воплощения текстового сознания: графических, живописных, пластических, музыкальных, числовых и т.д.».

Поэтому в социальном контексте дискурс изоморфен понятию *net society*, в котором информация, идеалы, ценности, знания, ресурсы распределяются между удалёнными участниками коммуникации, не образующими дискретных топосов: «дискурс – это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест», это граница контакта языка и реальности, лексики и опыта. Дискурс разорван не только в пространстве: это рассредоточенная во времени смысловая конструкция.

Сетевое общество генерирует множество коллективных идентичностей, нуждающихся в поддержании, внутри- и межгрупповой артикуляции. Дискурс не существует «ради самого себя, но во всех своих употреблениях стремится перенести в язык опыт, способ обитания и бытия-в-мире, которые ему предшествуют и требуют быть высказанными». Например, техnodискурс – это язык, замкнутый на технике, способствующий ее распространению, критикующий любое радикальное отступление от технократической мысли; определённый функциональный тезаурус и свои проблемы (Д. Жанико).

Конвергенция и дивергенция дискурса есть постэффект его социальности. С одной стороны, он выступает организованной когерентной (сцепленной) конструкцией терминов, определений, идеалов, образующих замкнутую непротиворечивую систему, претендующую на полноту описания некоей области реальности.

С другой стороны, дискурс знаменует расщепление семантического единства, эксфолиацию бытия языков культуры (отсюда бесчисленные дискурсы власти, закона, церкви, криминологии, позитивизма, психиатрии и т.д.). Множественность дискурсов коррелирует с многоуровневостью идентичностей и социокультурных ролей. Идентичности активируются дискурсом и, напротив, дискурсы формируют идентичности. Идеологии порождают монодискурсы, силой вытесняющие инаковость (военный коммунизм, национал-социализм). Поэтому структура дискурса противоречива: в нём есть индивидуализированные акторы: авторы, основатели и есть анонимные передаточные звенья.

Дискурсивный анализ можно применить к различным социокультурным группам, например, к восточному православию, которое представлено несколькими ценностно-смысловыми потоками:

1) официальный доминирующий дискурс РПЦ МП), представленный такими акторами, как Патриарх Кирилл, протоиерей Чаплин, диакон Кураев и др. Его можно охарактеризовать как консервативный по отношению к церкви и понимающе-конформистский по отношению к государству и модернизации общества;

2) неоднородный дискурс УПЦ МП, распадающийся на москвофилов и украинофилов;

3) обособленный дискурс УПЦ КП, где выделяются национальные темы – взаимоотношения УПЦ с украинским государством, Константинопольская юрисдикция, снятие анафемы с гетмана Мазепы, использование украинского литературного языка и украинского извода церковнославянского языка в церковной жизни;

4) локальные дискурсы Украинской Автокефальной Православной Церкви и Украинской Греко-Католической Церкви;

5) оппозиционный дискурс Диомида, царьбожников, последователей духовника Петра из Боголюбова и иных отделившихся православных групп, критично настроенных к современному информационному обществу и технологиям;

6) старообрядческий дискурс, разделённый на много толков, который, в общем, можно охарактеризовать как примордиалистский, традиционный;

7) местные дискурсы харизматических сельских священников, иногда репрезентированные в Интернет, но не имеющие большого охвата. Содержательная характеристика может меняться, но обычно преобладают алармистские настроения.

Очевидно, что для России близок первый дискурс как наиболее коммуникативный, публичный и открытый, а также второй, дающий пока ещё некоторую геополитическую надежду. Соответственно, для Украины важно выстроить независимую церковь, и поэтому государство поддерживает автономные от Москвы дискурсы.

Дискурс может быть связан не только с акторами, но и со структурами. В символическом интеракционизме П. Бурдьё он образует круг культуры и культурной репрезентации и связан с символическим конструированием смысловых порядков. Подведём итог функциям дискурса:

- интегрирующая;
- идентификационная;
- социализирующая;
- политическая;
- институциональная (языки и практики семьи, школы, вуза, армии, трудовых коллективов);
- познавательно-образовательная (профессиональные языки);
- символическая (маркировка социального пространства).

Мы выяснили, что термин «дискурс» имеет два основных значения: 1) микроанализ языка, языковая прагматика, как используется язык в каких-то контекстах, 2) нарратология знания, вышедшая из объёма неких первичных текстов.

Дискурс – это не только социокультурная телесность, языковой материализм (В.А. Кутырёв), он стал также методологией. Сегодня предложено несколько видов дискурсивного анализа. Обратимся к понятийному аппарату философии постмодернизма, разработанному французской школой (Р. Барт, М. Фуко, М. Пеше, Ж. Бодрийяр, Ж. Деррида, П. Серио):

АВТОМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ДИСКУРСА – методология исследования дискурсивных феноменов на основании моделирования механизмов социокультурной детерминации дискурсивных практик, при этом лингвистический и идеологический анализ дискурса должны быть жестко дистанцированы друг от друга;

ДИСКУРС – вербально артикулированная форма объективации содержания сознания индивидов, социальных групп, классов; процессуальность социальной системы;

ДИСКУРСИВНАЯ ФОРМАЦИЯ – идеологическая материальность текста, влияние клас-

совых интересов на смыслопорождение; состоит из высказываний, текстов, идеальных фигур, накопления текстов, текстуального поля;

ДИСКУРСИЯ – сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов (значимое поведение, манифестирующееся в доступных чувственному восприятию формах), необходимых для понимания текста, т.е. дающих представление об участниках коммуникации, их установках и целях, условиях производства и восприятия сообщения;

ДИСКУРСИВНОСТЬ – процессуальность и креативность смыслопорождения в социо-текстуальных формациях;

ДИСКУРСИВНЫЕ ЭПИСТЕМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ – трансформации, которым подвергаются в разных дискурсивных сферах основные эпистемические сущности (знание, мнение, вера, факт) и процедуры (верификация, истинностная оценка и т.п.);

ЗАБОТА ОБ ИСТИНЕ – термин для описания интенциональности и плюральности истины, процессов её производства и легитимации, социокультурных механизмов контролирования и ограничения дискурсивных практик (воля к истине);

ИНТЕРДИСКУРС – внешние по отношению к дискурсивной практике невербальные процессы, которые, выступая в качестве социокультурного и языкового контекста дискурсивных актов, обуславливают семантико-гештальтные характеристики последних;

ИНТРАДИСКУРС – феномен конституирования семантически значимой дискурсивной целостности посредством интериоризации и имманентизации исходно внешних по отношению к ней дискурсивных элементов;

НОМИНАЛИЗАЦИЯ – метод выявления компонентов текста, системы механизмов и приемов введения имен в текстовую ткань, реконструкция текстовой памяти в виде имен, напоминающих о предложениях, которые были или могли быть произнесены до текста, вне текста или даже независимо от него, восстановление трансформаций, которые претерпел дискурс;

ОЗНАЧИВАНИЕ – символическое насилие, которое мы совершаем над вещами, выражение с помощью языковых средств интересов социальных групп и классов, диссеминация и деконструкция текстов;

ПИСЬМО – характеристика современного дискурса как конца нарратива и начало письма, гарантом присутствия которого является телесность;

ПОРЯДОК ДИСКУРСА – конкретно-историческое состояние дискурсивной среды, включает в себя модальности дискурса, дискурсивные ритуалы (квалификация, коммуникативная позиция, жесты и поведение), принадлежность к дискурсивному сообществу, распределение и циркуляцию дискурсов, социальное присвоение и закрепление на макроуровне общества (система образования);

ПРЕКОНСТРУКТ – определение места языка для фиксации феномена дискретного акта представленности того или иного дискурса (дискурсивного ряда) в другом дискурсе (дискурсивном ряду);

ТРАНС-ДИСКУРСИВНОСТЬ – преодоление доминирующего дискурса, выход за рамки преконовструктов;

ЭРОТИКА ТЕКСТА – процесс самоорганизации текста, функционирование языка по отношению к самому себе, парафразические отношения, реализующиеся внутри матрицы смысла, присущей данной дискурсивной формации и приводящие к устранению автора как генератора текста.

Таким образом, социолингвистическое направление французской школы изучает определенные социальные закономерности функционирования текстов в обществе.

Существует также семиотико-лингвистический метод – критический дискурсивный анализ (КДА), с помощью которого исследуется идеологическая функция языка. Голландский исследователь Ван Дейк на основании изучения газетных новостей, речей учёных, парламентских дебатов, корпоративных нарративов демонстрирует, как дискурс становится частью воспроизводства тех или иных идеологий. КДА выделяет микро- и макроуровни социального порядка, а также предлагает следующую матрицу для изучения: индивиды – группы, социальные акты – процессы, структуры – контексты, личное – общественное знание. К.Е. Гурин выделяет также такое направление, как дискурсивная психология, ориентированная на публичные ментальные процессы.

Ю. Хабермас также связывает дискурс с прагматикой речи: это политика знания, управление определённой нормативной лексикой: власть, доминирование, идеология, контроль СМИ, экспертократия, класс, раса, гендер, этнические меньшинства, чёрные, беженцы, терроризм, дискриминация. Некоторые формы описания действительности с точки зрения дискурсивного анализа являются мифологемами

(дискурсемами), гипостазирующими реальность: тоталитарная секта, промывка мозгов, зомбирование, гипноз и т.п.

Мы живем в эпоху, когда следует, помимо научных фактов, выделить ещё дискурсивные и медийные факты. Конечно, в этом случае «фактуальное» знание размывается, подменяется дискурсивной, intersubъективным процессом смыслопорождения. Если научный факт – это точный, объективный фрагмент реальности, истинность которого может быть доказана, медийные и дискурсивные факты зачастую не могут быть верифицированы, в силу: 1) уникальности события и невозпроизводимости в других условиях, 2) большого постпиара, не оставляющего шансов на иную трактовку событий, 3) их лингвистического характера (поэтому авторы Википедии при описании таких фактов вынуждены воспроизводить все дискурсы на эту тему).

Процедуры формирования медийного и дискурсивного факта значительно отличаются от перцептивных и материально-практических фактов, в достоверности которых можно удостовериться при помощи наблюдения и эксперимента. Дискурсивно-медийный факт (дискурсема), однако, может быть подвергнут измерению и сравнению, благо для этого сегодня в Интернете существуют хорошие инструменты (Гугл трендс, например), способные фиксировать силу и эффект факта по степени упоминания, цитирования, обращения, комментирования. И, конечно, дискурсема обладает таким свойством, как общественное признание, в этом и заключается их главная убедительность.

Если мифологема – это неэмпирический образ единства, то дискурсема – это эмпирический образ различия. И первая и вторая точка сборки реальности успешно функционируют в обществе, доминируя в магии, религии, искусстве (мифологема), науке, политике, экономике (дискурсема). В общественных науках, особенно в истории, дискурсема фактически становится идеологемой, – политически нагруженным областью знания. В чистых естественных науках, свободных от идеологии (математика, физика), дискурсема становится теоремой.

Дискурсема (дискурсивно-медийный факт) – это фрагмент социокультурной действительности, обладающий следующими признаками: 1) артикулированность, 2) дискретность, 3) intersubъективность. При этом особенность медиафакта заключается в том, что он опосредован техническими средствами, что может накладывать отпечаток на восприятие истинности

(*media is the message*). Например, при медиатизации факта о захвате марсианами Кремля восприятие истинности и социальный постэффект последовательно растут: а) высказывание на интернет-форуме, б) заметка в бульварной газете, в) сообщение на радио «Эхо Москвы», г) главный репортаж в новостях «Первого канала».

Р. Келлер, современный немецкий исследователь дискурса, предлагает соотнести герменевтический анализ и дискурс. Первое, что должно быть сделано, это ограничение дискурса. Для этого выбираются критерии ограничения: место, время, издание, автор и т.п. В то же самое время мы должны найти связь с другими дискурсами и посмотреть, есть ли интердискурсивность. Далее, нам нужно структурировать наше изучение текстов. С одной стороны, нам нужно уменьшить количество материала, с другой – нам нужно увидеть, как она будет связана с другими. Также следует определить, что является ключевым текстом, т.е. тем, с которым другие всегда соотносятся. В своей идентификации этот текст занимает особое место. Так, ключевым текстом к пониманию адорновской эстетики является его совместная работа с М. Хоркхаймером «Диалектика просвещения». Или книга П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование реальности» (1966), являющаяся ключевой для социологии знания. Для фундаменталистов важно последнее письмо Мухаммеда Аттах, написанное до того, как он совершил нападение на башни в Нью-Йорке.

Ключевой текст формирует герменевтический круг: с его помощью можно интерпретировать другие тексты, а они, в свою очередь, не могут быть поняты без него. Следует учитывать роль позиции говорящего в тексте (политик, юрист, врач). Социология знания помогает эмпирически реконструировать ситуативные процессы негоциации, а также артикуляции индивидуальности, пониманию формообразованию знания на индивидуальном уровне.

Р. Келлер предлагает следующие этапы анализа дискурса: 1) выделение ключевых понятий, 2) постановка уточняющих вопросов, 3) построение базы взаимозависимых значений количественными методами, 4) интерпретация значений с помощью качественных методов, 5) работа с границами контекстов – демаркация и ценностная характеристика.

Дискурсивный анализ обнаруживает много общего с социальной феноменологией в части следующих атрибутов:

1) артикулированность (дискурс должен быть озвучен, чтобы быть);

2) серийность (дискурс – это многократные речевые и социальные практики);

3) типизация высказываний (утверждения должны быть согласованы (Сметанина О.М. называет это «стереотипизация»));

4) селективность (групповое мышление осуществляет ценностную выборку из множества утверждений для профилирования своих интересов; дискурсы могут существовать, потому что редуцируют сложность);

5) репрезентативность (иерархия дискурсов, доминирующие и миноритарные дискурсы);

6) интересубъективность (договорная концепция истины);

7) модальность (дискурс способен нести дополнительную информацию);

8) автопоэтичность, фрактальность (дискурс – это система, которая воспроизводит сама себя).

Можно выделить также некоторые феноменологические акциденции дискурса:

1) анонимность (при наличии ключевых текстов масса людей, повторяющих эти мантры, действует неосознанно, как коллективное бессознательное);

2) медийность (сегодня недостаточно только выразить мнение, важно ещё его воспроизводить через технические средства);

3) креативность (например, философия превращается в бесконечные потоки-импровизации великих гуру, выторговывающие новые оттенки смысла, маркирующие пространство, – марка «Деррида» ничем не отличается от марки «Форд»);

4) подвижность, динамичность (например, интернет-форумы).

Дискурсивная стратегия так же, как и социокультурная феноменология, позволяет универсализировать субъективный мир и представить его как объект научного изучения. Культура – это и производство, и продуцирующая сила, и конечный продукт производственных отношений. Её полное понимание если и возможно, то только как самоконструирующий процесс, где значительное место занимает овеществление дискурсов, материализация речевых высказываний и волеизъявлений социальных групп (рис. 1). В социологии П. Бергера и Т. Лукмана это названо реификацией – процессом перехода идеального в социальные практики. Вопрос об опредмечивании/распредмечивании бытия уже был поднят Гегелем в учении об объективации абсолютного духа в природу и историю и деятельностью-ориентированным Марксом. Конструктивизм лишён метафизических спекуляций

и гегемонии экономического принципа, поэтому он ближе к социокультурной реальности.

Существенно, что процесс опредмечивания, который носит коллективный характер, обычно не откладывается в социальной памяти: «человек не помнит и не осознает, что социальный мир, каким бы он ни был, был создан людьми и может быть ими переделан».

Рисунок 1 – Этапы опредмечивания дискурса

Процесс опредмечивания дискурса походит на этапы институализации в социологии. Однако не все дискурсы доходят до формализации. Допустим, новое религиозное движение может дойти до этапа институализации, а Интернет-форум по организации флешмоба – остаться на уровне социальных практик.

Гегелевский термин «опредмечивание» конституирования духа в истории получил вторую жизнь в марксизме, где он стал означать:

1) деперсонализация труда в процессе производства, его отчуждение (К. Маркс);

2) опосредованием экономических отношений в духовной культуре (экономика – базис, культура – надстройка у В. Ленина).

В социологии знания П. Бергера и Т. Лукмана использована схожая схема, которая, как они полагают, ближе к К. Марксу – «Маркс указывал на то, что человеческое мышление производно от человеческой деятельности (точнее, труда) и от социальных взаимосвязей, возникающих в результате этой деятельности. Базис («субструктуру») и надстройку («суперструктуру») можно лучше понять, если соответственно рассматривать их как человеческую деятельность и мир, созданный этой деятельностью».

Социокультурная феноменология не может постулировать возвращения к самоданному и самоочевидному миру вещей, т.к. её объекты, как и в дискурсивном анализе, многозначны, дина-

мичны и активны. Их сближает: стремление к беспредпосылочному познанию мира, радикальное очищение предмета познания от многочисленных наслоений, различение общественных процессов и модусов их восприятия (мифологических, религиозных, философских, научных, политических и пр.).

Социальная феноменология и дискурсивный анализ имеют важную методологическую функцию, т.к. дают нам целостный способ познания общественной динамики. Мы можем говорить о политиках-рептилиях, инопланетянах, детях-индиго, плачущей иконе Сталина и при этом оставаться научными. Социальные науки не могут отмахиваться от дискурсов, табуируя их как ненаучные. Напротив, нас должно очень интересовать, кто говорит, что говорит, кому говорит и с какой целью. Само по себе высказывание уже является дискурсивным и медийным фактом. При этом социокультурная феноменология уточняет, что в этом случае мы имеем дело с не регулярно воспроизводимым природным явлением, а с фактом особого рода, имеющего следующие признаки: 1) интенциональность, 2) коммуникативность, 3) выражение интересов группы.

Дискурсеми сегодня представляют объект манипуляции в области политики: миноритарные высказывания благодаря массовой коммуникации представляются как мажоритарные (феномен «воображаемых сообществ» Б. Андерсона), оказывают воздействие на политику. Парадокс коммуникативного общества заключается в том, что «хвост может начать управлять собакой»: меньшинство гомосексуалистов подавляет права других граждан считать однополые браки девиацией; Европа использует незначительную группу протестующих в Киеве как рычаг давления на государство большинства.

На основе дискурсивных методик предлагаю феноменологический анализ – список вопросов, поставленный к дискурсу, медийному продукту, художественному произведению, позволяющий прояснить содержание мышления социокультурных групп:

- 1) кто говорит и какова его позиция в тексте?
- 2) для какой целевой аудитории?
- 3) каково послание? с каким ключевым текстом (нарративом, мифом) соотнесён говорящий?
- 4) какая лексика используется и какие гештальты вызывает? в каком экстралингвистическом контексте существует дискурс?
- 5) какие средства передачи дискурса используются? как осуществляется диссеминация?

б) какая социальная группа объективирует содержание своего сознания через дискурс?

Благодаря опроснику дискурсема может быть зафиксирована, измерена через специальные процедуры, т.к. она артикулирована, дискретна и интересубъективна. Медиатизация фактов оказывает влияние на их условия истинности, убедительности, возможности верификации и фальсификации.

Таким образом, феноменологический анализ предлагает строгую описательную процедуру для дискурсивных и медийных объектов и в этом актуальное значение социокультурной феноменологии. Дискурсивный анализ находится в русле феноменологической стратегии и означает строго фактологический подход, предполагающий редукцию предрассудков обыденного или узкоспециального сознания по отношению к социокультурным явлениям.

Дискурс в социальном контексте – это ценностное языковое сообщество, полевая формация, где участники «нащупывают» адекватный язык описания реальности, подтверждают принадлежность к некому смысловому кластеру, воспроизводят коллективную идентичность (производственные, политические, религиозные и иные группы). Отсюда целый пласт понятий, связывающих знания, интересы, высказывания и власть, политику, описанных во французской философии XX в.: дискурс рациональности как дискурс власти в эпоху Просвещения, властные дискурсивные практики, власть как дискурсивный феномен, коллективный дискурс (Р. Барт), идеологии и дискурсы групп.

Дискурс – это политическая артикуляция коллективной идентичности; социальный порядок, в котором нет разделения на базис и надстройку, а скорее присутствует нетопологическая смысловая тотальность. Каждый элемент дискурсивно-социального порядка не имеет внешних детерминаций, его место зависит от отношений в дискурсивном комплексе: реляция конституирует социокультурное бытие, которое становится подвижным, зависящим от обстоятельств.

Поэтому в социальном контексте дискурс изоморфен понятию *net society*, в котором информация, идеалы, ценности, знания, ресурсы распределяются между удалёнными участниками коммуникации, не образующими дискретных топосов: «дискурс – это внешнее пространство, в котором размещается сеть различных мест», это граница контакта языка и реальности, лексики и опыта. Дискурс разорван не только в пространстве: это рассредоточенная во времени смысловая конструкция.

Дискурс может быть связан не только с акторами, но и со структурами. В символическом интеракционизме П.Бурдьё он образует круг культуры и культурной репрезентации и связан с символическим конструированием смысловых порядков. Сетевое общество генерирует множество коллективных идентичностей, нуждающихся в поддержке, внутри- и межгрупповой артикуляции. Дискурс не существует «ради самого себя, но во всех своих употреблениях стремится перенести в язык опыт, способ обитания и бытия-в-мире, которые ему предшествуют и требуют быть высказанными». Например, техnodискурс – это язык, замкнутый на технике, способствующий ее распространению, критикующий любое радикальное отступление от технократической мысли; определённый функциональный тезаурус и свои проблемы (Д. Жанико).

В мультикультурном обществе конвергенция и дивергенция дискурса есть постэффект его социальности. С одной стороны, он выступает организованной когерентной (сцепленной) конструкцией терминов, определений, идеалов, образующих замкнутую непротиворечивую систему, претендующую на полноту описания некоей области реальности. С другой стороны, дискурс знаменует рассредоточение семантического единства в лоскутном социуме, эксфолиацию бытия языков культуры.

Множественность дискурсов поддерживает разнообразие в социогуманитарных науках, в том числе в религиоведении, где происходит формирование новых подходов, которые часто имеют перекрестный, междисциплинарный характер.

Секуляризация религии (Ю. Хабермас) – ослабление религии в публичной сфере, автономизация социальных институтов (государство, армия, семья, корпорации) от религии и потеря контроля религиозными лидерами над этими институтами; десакрализация священного (религиозные праздники, Санта Клаус, «курусумасукеки» – рождественский пирог у японцев); уменьшение интереса к религии в общественном сознании; переход от традиционного регулирования с помощью религии и морали – к рационально-правовому.

Теория модернизации (Д. Поллак) – по мере прогресса общественных отношений религия как институт уходит в прошлое.

Приватизация религии (Т. Лукман) – становление религии добровольного личного выбора, уход её из публичной сферы в область частного инструмента поиска трансцендентного.

Десекуляризация религии (К. Доббелэр) – возвращение религии в общество, использование медиа в посткоммунистических странах для ресакрализации общества.

Неинституализированная религия (С. Хувер, С.Хйарвард) – присутствие религии в обществе в разнообразной форме не только религиозных движений, но и в виде убеждений о загробной жизни, перевоплощении, карме, духов и т.п.; молодёжное движение искателей духовности (хиппи); банальная (популярная, неэкспертная) религия.

Медийность религии, религия технологии (М.Биржит, Д. Ноубл) – восприятие медиа и техники как мессий, которые могут улучшить мир – Б. Гейтс, С. Джобс; технологизм – вера в то, что прогресс сделает человека бессмертным; исчезновение грани между религией и развлечением в публичной сфере (религия в кинематографе, рекламе); зависимость религии от медиа (станок Гуттенберга, телеевангелисты, сетевая идентификация электронных религиозных сообществ).

Дискурсивный анализ религии (П. Бурдьё, Ван Дейк, Ю. Хабермас) – публичная риторика по вопросам религии, господствующие и маргинальные артикуляции на тему религии; явная и неявная репрезентация религии в культуре. Дискурсивный анализ представляет собой решение противостоянию «объяснение vs. понимание».

Религиозный маркетинг: регулирование религиозного рынка и возвращение богов в публичную сферу – чем больше плюрализма на рынке, тем больше религиозность (Р. Старк, Р. Финк); религия как товар (Л. Мур); взаимодействие религии с шоу-бизнесом, религия как потребление (П. Бергер).

Идеологическое конструирование религии (Т. Фицджеральд), религия – это конструкт, используемый для идеологического оправдания современности; религия как эссенциалистская абстракция, укоренённая в христианском воспитании и отдалённая от реальных практик и институтов (многолетнее изучение индуизма как религии брахманов и, лишь в небольшой степени, кшатриев, ничего не открывает нам о религии других социальных слоёв). Как сакральное тесно связано с властными практиками, текстами, общественными событиями, людьми, как подвергается сакрализации государственное?

Религиозная идентичность: плюрализм и плюральность идентичностей (М. Штерин); актуализация идентичности (М. фон Брюк); лоскутная идентичность (Х. Койп); фрагментация идентичности (Р. Зенет); многоуровневая иден-

тичность (Р. Бернхард); идентичность как точка сборки – бутстрап (Дж. Чу).

Неклассический социум пришёл на смену классического с его малым количеством таксонов и статусов, устойчивой идентичностью, линейностью поведения, иерархичностью организации. Управление, таким объектом, было построено на принципе механицизма: воздействие субъекта на объект с целью изменения его поведения. Кризис классического управления особенно ярко проявился в многочисленных социальных конфликтах XX века, а причиной его является растущая социальная неоднородность разных уровней

(имущественная, этническая, религиозная, мировоззренческая). Одна из функций управления – сохранение устойчивости организационной структуры, входит в противоречие с внутренними тенденциями самоорганизации общественных классов и групп, которые реализуют собственные программы и цели. Для успешного управления неклассическим обществом необходимо разобраться в специфике социальной неоднородности разных уровней. В этом и заключается роль религиоведения сегодня, которое, через конкуренцию научных дискурсов представляет наилучшие средства концептуализации религиозности.

Литература

- 1 Кутырев В.А. Философия постмодернизма // www.philosophy.ru/library/kutyrev/postmodernphil.html
- 2 Латино-англо-русский словарь философских терминов // <http://www.philosophy.ru/library/aquino/vocabularium.html>
- 3 Степанов Ю.С. Альтернативный мир, Дискурс, Факт и принцип Причинности. – Язык и Наука конца 20 века. – М., 1995. – С. 38.
- 4 Тищенко П.Д. Аналитика научного дискурса // www.philosophy.ru/iphras/library/philnauk.html
- 5 Кругликов В.А. Незаметные очевидности // www.philosophy.ru/iphras/library/kruglikov.html
- 6 Деррида Ж. О грамматологии. – М., 2000. – С. 92.
- 7 Молодцова Е.Н. Пограничные территории науки // www.philosophy.ru/iphras/library/granitsy/molodcova.htm
- 8 Киященко Л.П. В поисках исчезающей предметности: (Очерки о синергетике языка) // www.philosophy.ru/iphras/library/kiyaschenko
- 9 Киященко Л.П. Мифопоэзис научного дискурса // <http://iph.ras.ru/page47850562.htm>
- 10 Мамчур Е.А. Релятивизм в трактовке научного знания и критерии научной рациональности // www.philosophy.ru/iphras/mamchur.htm
- 11 Неретина С.С. Автор и дискурс // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.htm
- 12 Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. – М., 2003. – С. 82.
- 13 Townshend, J. Discourse theory and political analysis: a new paradigm from the Essex School? – The British Journal of Politics and International Relations, 2003. – Vol 5 (1). – Pp. 129–142.
- 14 Огурцов А.П. Благо и истина: линии расхождения и схождения // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/ogurzova.html
- 15 Гутнер Г. Онтология математического дискурса // www.philosophy.ru/gutner/ont.htm
- 16 Барт Р. Мифологии. Избранные работы. – М., 1989. – С. 73.
- 17 Ибатуллина Г. Слово Покаянной исповеди и текстовое сознание // www.philosophy.ru/library/ibatul/ibatul.html
- 18 Фуко М. Археология знания. – Киев, 1996. – С. 55.
- 19 Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М., 1998. – С. 324.
- 20 Фуко М. Дискурсия и человеческое бытие. Слова и вещи // www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html
- 21 Постмодернизм. Энциклопедия. – Мн., 2001.
- 22 Principles of Critical Discourse Analysis (Dijk T. van), Discourse Critical Discourse Analysis (Fairclough N.), Methods of Critical Discourse Analysis (Wodak P.R., Meyer M.), Text, Context, Pretext Critical Issues in Discourse Analysis by (Widdowson H. G.), Discourse: A Critical Introduction (Blommaert J.), Critical Discourse Analysis and Language Cognition (O'Halloran K.)
- 23 Гурин К.Е. Дискурс-анализ как новая методология в изучении общества. // Социология и образование: проблемы и перспективы: Материалы Российской научно-практической конференции / под общ. ред. М.Н. Макаровой, О.Г. Федоровой. – Ижевск, 2014. – С. 87.
- 24 Keller R. Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. – Springer, 2011.
- 25 Сметанина О.М. Язык и образовательная политика (выступление). Диалог мировоззрений: современное образование в поле научных и религиозных традиций. – Нижний Новгород, 2011.
- 26 Шубрт И. Парадоксы коллективной памяти. Коллективная социально-историческая память и вызовы современности. – Нижний Новгород, 2011. – С. 20.
- 27 Дахин А.В. Актуальные исследования коллективной социальной памяти // Указ. соч. – С. 11.
- 28 Дандерон М.Б. Социальное конструирование религиозного сознания: автореф. ... дис. докт. филос. н. – Улан-Уде, 2009. – С. 28.
- 29 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. – М., 1995. – С. 16

References

- 1 Kutyrev V.A. The philosophy of postmodernism // www.philosophy.ru/library/kutyrev/postmodernphil.html
- 2 Latin – English-Russian dictionary of philosophical terms // <http://www.philosophy.ru/library/aquino/vocabularium.html>
- 3 Stepanov Y.S. Alternative world, discourse, and the fact that the principle of causality . – Language and Science of the late 20th century. – М., 1995. – S. 38.
- 4 Tishchenko P.D. Analysis of scientific discourse // www.philosophy.ru/iphras/library/philnauk.html
- 5 Kruglikov V.A. Subtle evidence // www.philosophy.ru/iphras/library/kruglikov.html
- 6 Jacques Derrida Grammatology. – М., 2000. –S. 92.
- 7 Molodtsova EN The border area of science // www.philosophy.ru/iphras/library/granitsy/molodcova.htm
- 8 Kiyashchenko LP In search of a vanishing objectivity (Essays on the synergy of language) // www.philosophy.ru/iphras/library/kiyaschenko
- 9 Kiyashchenko L.P. Mifopoezis scientific discourse // <http://iph.ras.ru/page47850562.html>
- 10 Mamchur E.A. Relativism in the interpretation of scientific knowledge and the criteria of scientific rationality // www.philosophy.ru/iphras/mamchur.htm
- 11 Neretina S.S. Author and discourse // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/neret1.html
- 12 Habermas Yu. Philosophical Discourse of modernity. – М., 2003. – S. 82.
- 13 Townshend, J. Discourse theory and political analysis: a new paradigm from the Essex School? – The British Journal of Politics and International Relations, 2003. – Vol 5 (1). – Pp. 129-142.
- 14 Cucumbers A.P. Fortunately, the truth: the line divergences and convergences // www.philosophy.ru/iphras/library/wealtrue/ogurzova.html
- 15 Gutner G. Ontology mathematical discourse // www.philosophy.ru/gutner/ont.htm
- 16 Bart R. mythology. Selected works. – М., 1989. – S. 73.
- 17 Ibatullina G. The word repent confession and text coznanie // www.philosophy.ru/library/ibatul/ibatul.html
- 18 Futko M. Archaeology of Knowledge. – Kyiv, 1996. – S. 55.
- 19 Arutyunov N.D. The language and the world of man. – М., 1998. – S. 324.
- 20 Futko M. Discourse and the human being. Words and things // www.philosophy.ru/library/foucault/01/10.html
- 21 Postmodernizm. Encyclopedia. – Mn., 2001.
- 22 Principles of Critical Discourse Analysis (Dijk T. van), Discourse Critical Discourse Analysis (Fairclough N.), Methods of Critical Discourse Analysis (Wodak P.R., Meyer M.), Text, Context, Pretext Critical Issues in Discourse Analysis by (Widdowson H. G.), Discourse: A Critical Introduction (Blommaert J.), Critical Discourse Analysis and Language Cognition (O'Halloran K.).
- 23 Gurin K.E. Discourse analysis as a new methodology in the study of society. // Sociology and Education: Problems and Prospects: Materials of the Russian scientific-practical conference / Under total. Ed. Makarova M.N., Fedorova O.G. – Izhevsk, 2014. – S. 87.
- 24 Keller R. Diskursforschung: Eine Einführung für SozialwissenschaftlerInnen. – Springer, 2011.
- 25 Smetanin O.M. The language and educational policies (performance). Dialogue worldviews: modern education in the field of scientific and religious traditions. – Nizhny Novgorod, 2011.
- 26 Shubrt I. Paradoxes of collective memory. Collective social and historical memory and the challenges of modernity. – Nizhny Novgorod, 2011. – S. 20.
- 27 Dakhin A.V. Recent studies of collective social memory // Decree. Op. – S. 11.
- 28 Danderon MB The Social Construction of religious consciousness / Abstract. ... Dis. dokt. filos.n. – Ulan-Ude, 2009. – P. 28.
- 29 Berger P., Lukman T. The Social Construction of Reality. – М., 1995. – S. 16